

Дмитрий Мамин-Сибиряк

Кормилец

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Кормилец

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=328752

Аннотация

«Маленький Прошка всегда спал как убитый, и утром сестра Федорка долго тащила его с полатей за ногу или за руку, прежде чем Прошка открывал глаза.

– Вставай, отчаянный!.. – ругалась Федорка, стаскивая с полатей разное лохмотье, которым закрывался Прошка. – Недавно оглох, что ли? Слышишь свисток-от!..

– Сейчас... Привязалась! – бормотал Прошка, стараясь укатиться в самый дальний угол...»

Содержание

I	4
II	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк Кормилец *(Из жизни на Уральских заводах)*

I

Маленький Прошка всегда спал как убитый, и утром сестра Федорка долго тащила его с полатей за ногу или за руку, прежде чем Прошка открывал глаза.

– Вставай, отчаянный!.. – ругалась Федорка, стаскивая с полатей разное лохмотье, которым закрывался Прошка. – Недавно оглох, что ли? Слышишь свисток-от!..

– Сейчас... Привязалась! – бормотал Прошка, стараясь укатиться в самый дальний угол.

– Маменька, что же я-то далась, каторжная, что ли?.. – начинала жаловаться Федорка, слезая с приступка. – Каждый раз так-то: дрыхнет, как очумелый...

– Прошка... а, Прошка!.. – криливо начинала голосить старая Марковна и лезла на полати с ухватом. – Ох, согре-

шила я, грешная, с вами! Прощка, отчаянный, вставай!.. Ну? Ишь куды укатился!..

– Мамка, я сейчас... – откликнулся Прощка, хватаясь за рога ухвата обеими руками.

– Да ты оглох, в самом деле: слышь, свисток-от насвистывает... Федорке идти надо, не будет свистеть для вас другой раз!

Заводский свисток действительно давно вытягивал свою волчью песню, хватавшую Прощку прямо за сердце. На полатах было так тепло, глаза у него слипались, голова давила, как котел, а тут – вставай, одевайся и иди с Федоркой на фабрику...

Пока происходило это пробуждение Прощки, Федорка торопливо доедала какую-нибудь вчерашнюю корочку, запивая ее водой. Прощка всегда видел сестру одетой и удивлялся, – когда это Федорка спит!

– Черти, не дадут и выспаться-то... – ворчал Прощка, слезая наконец с полатей и начиная искать худые коты¹ с оборванными веревочками. – Руки-то, поди, болят... вымахашь за день-то. Мамка, дай поесть...

– Одевайся, нечего растабарывать, – на заводе поешь! – торопила Прощку мать. – Ишь важный какой... Разве один ты на заводе робишь?..² Другие-то как?..

– Другие... – повторял Прощка за матерью и не знал, что

¹ Коты – кожаная обувь, вроде тяжелых ботинок. (Примеч. автора.).

² Робить – работать. Так говорят в Пермской стороне. (Примеч. автора.).

сказать в свое оправдание, и только чесал скатавшиеся волосы на голове.

Федорке иногда делалось жаль двенадцатилетнего брата, и она молча начинала помогать ему: запахивала дырявый кафтанишко, подпоясывала тонким ремешком вместо опояски, завязывала коты на ногах, а Прошка сидел на лавке или на приступке у печки и чувствовал, как его давит смертный сон. Кажется, умер бы вот тут сейчас, только бы не идти на эту проклятую фабрику, что завывает своим свистком, как голодный волк...

Но Федорка никогда не жаловалась, и все у ней как-то горело в руках, – и Прошке делалось совестно перед сестрой: все-таки он, Прошка, мужик!

Федорка работала на дровосушных печах и всегда была в саже, как галка, но никакая сажа не могла скрыть горячего румянца, свежих губ, белых зубов и задорно светившихся серых глаз. Всякая тряпка сидела на Федорке так, точно она была пришита к ее сбитому, крепкому, молодому телу. Рядом с сестрой Прошка в своих больших котях и разъезжавшемся кафтанишке походил на выпавшего из гнезда воробья, особенно когда нахлобучивал на голову отцовскую войлочную шляпу с оторванным полем. Лицо у него было широкое, с плоским носом и небольшими темными глазками. Конечно, Прошка тоже был всегда в саже, которой не мог отмыть даже в бане.

– Ну, совсем?.. – ворчала Федорка, когда одевание кончи-

лось. – Уж второй свист сейчас будет. Другие-то девки давно на фабрике, поди, а я вот тут с тобою валандалась...

– Ума у вас нет, у девок, вот и бежите на фабрику, как угорелые!.. – важно говорил Прошка, заранее ежась от холода, который ожидал его на улице. – Мамка, я есть хочу...

– Ладно, там дам, как придем, – говорила Федорка, торопливо засовывая за пазуху узелочек с завтраком.

Марковна почесывалась, зевала и все время охала, пока дети собирались на фабрику, а потом, когда они уходили, заваливалась на полати спать... Ленивая была старуха, и как-то всякое дело валилось у нее из рук. Она Постоянно на что-нибудь жаловалась и все говорила про покойного мужа, который умер лет пять тому назад.

Выйдя за дверь, Прошка всегда чувствовал страшный холод – и зимой и летом. В пять часов утра всегда холодно, и мальчик напрасно ежился в своем кафтанишке и не знал, куда спрятать голые руки. Кругом темно. Федорка сердито бежит вперед, и, чтобы держаться за нею, Прошке приходится бежать вприпрыжку... Он понемногу согревается, а ночной холод прогоняет детский крепкий сон.

II

Избушка Марковны стояла на самом краю Першинского завода, и до фабрики было с версту. В избах кое-где мелькали огни, – везде собирались рабочие на фабрику. На стеклах маленьких окошек прыгали и колебались неясные тени... По дороге то и дело скрипели отворявшиеся ворота, и из них молча выходили рабочие и быстро шли по направлению к фабрике. Иногда попадались Федоркины подружки – Марьки, Степаньки, Лушки. Вместе девушки начинали бойко переговариваться, смеялись и толкали одна другую. Эта болтовня бесила Прошку. «Дровосушки» (так звали поденщиц, которые работали на дровосушных печах) хохотали еще больше и начинали дразнить Прошку. С ними перешучивались парни, шагавшие на фабрику с болтавшимися на руках вачегами и запасными прядениками.³

Рабочие кучками шли по берегу заводского пруда, поднимались на плотину и потом исчезали в закопченной заводской сажеей воротах караульни. Глухой сторож Евтифей выглядывал из окошечка караульни и вечно что-то бормотал, а рабочие спускались по крутой деревянной лесенке вниз, к доменной печи, где в темном громадном корпусе всегда теплился веселый огонек и около него толпились рабочие в ко-

³ Вачеги – подшитые кожей рукавицы; пряденики – пеньковые лапти. (Примеч. автора.).

жанных фартуках – защитках.

Федорка провожала братишку до самого пожога,⁴ где он «бил руду», то есть большие куски обожженной железной руды разбивал в мелкую щебенку. Пожог стоял в самом дальнем углу громадного фабричного двора. Снаружи виднелись только серые толстые стены, выложенные из крупных камней. Внутри пожог разделялся на два дворика: в одном постоянно обжигалась новая руда, а в другом – ее разбивали в щебенку такие же мальчуганы, как Прошка, да еще две пожилые женщины, вечно завязанные какими-то тряпками. В том дворике пожога, где били руду, по утрам всегда горел костер. Федорка подходила к огню, грела свои красные руки и сердито огрызалась от пристававших к ней мальчишек-рудобойцев, усвоивших уже все ухватки больших рабочих.

⁴ Пожог – часть завода, где обжигают руду. (Примеч. автора.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.